

Руденко В.Н. Делиберативная демократия в аксиологии защиты прав человека // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук, 2017. Т. 17, вып. 4. С. 115–127.

УДК: 342.34:342.57

DOI 10.17506/ryipl.2016.17.4.115127

ДЕЛИБЕРАТИВНАЯ ДЕМОКРАТИЯ В АКСИОЛОГИИ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Виктор Николаевич Руденко

доктор юридических наук, профессор,

член-корреспондент РАН,

директор Института философии и права УрО РАН,

г. Екатеринбург, Россия. E-mail: rudenkovn@yandex.ru

Материал поступил в редколлегию 14.02.2017 г.

В статье показано, что в основе аксиологии защиты прав человека в современном мире лежат, преимущественно, представления о непартисипаторной (элитарной) демократии. В соответствии с ними важнейшие публично-властные решения принимают органы власти, граждане же участвуют в механизме согласования интересов посредством голосований. В связи с этим ценностной доминантой защиты прав человека является политика интересов, базирующаяся на решениях большинства, выражающих устремления ведущих акторов политической деятельности. Доминирующей стратегией выборных органов власти становится конституционализация норм о правах человека в целях их судебной защиты. При этом права человека воспринимаются гражданами как установленные властью и дарованные ею. Автор показывает, что недостаток такой стратегии заключается в постоянно сохраняющейся угрозе ограничения прав человека со стороны государства. Препятствовать этой угрозе, по его мнению, необходимо не путем отдельных институциональных усовершенствований, а посредством освоения ценностей делиберативной демократии. Им приводится сравнительный анализ ценностей элитарной и делиберативной демократии, подтверждающий тезис о том, что смещение акцента на коммуникативный дискурс в аксиологии защиты прав человека способствует выработке новой стратегии защиты прав человека. Эта стратегия ориентируется на согласование и артикуляцию интересов широкого круга лиц, воспринимающих права человека как общее благо. На основе выработанного подхода автор исследует различные формы проявления делиберативной демократии в аксиологии прав человека, подчеркивая значимость ценностей гражданского контроля и других форм гражданского участия в защите прав человека. Автор приходит к выводу о перспективности партисипаторной модели защиты прав человека в современном мире.

Ключевые слова: права человека, защита прав человека, аксиология защиты прав человека, непартисипаторная демократия, делиберативная демократия, ценностные доминанты непартисипаторной демократии, ценностные доминанты делиберативной демократии.

Ключевыми для аксиологии защиты прав человека в современном мире являются, главным образом, представления о непартисипаторной (элитарной) демократии, обоснованные в трудах Й.А. Шумпетера [Шумпетер 1995], Ф.А. Хайека [Хайек 1992], К. Поппера [Поппер 1992] и других мыслителей XX столетия¹. Согласно этим представлениям демократия есть форма правления, обеспечивающая состязание политических элит за голоса избирателей. Итог борьбы олицетворяет мандат, уполномочивающий выборные органы власти на принятие всех важнейших публично-властных решений. Таким образом, граждане участвуют в механизме согласования интересов посредством голосований, главным образом, по кадровым вопросам – они голосуют «за» или «против» кандидатов на замещение публичных должностей. Задача граждан состоит в формировании состава выборных органов власти и тем самым в защите политических институтов от угрозы узурпации правителями-тиранами. В связи с этим ценностная доминанта защиты прав человека сводится к политике интересов – борьбе доминирующих групп за власть с целью утверждения своих приоритетов. И данная политика основана на решениях большинства, выражающих устремления доминирующих акторов политической деятельности [Бусова 2002: 46], причем граждане не участвуют непосредственно в управлении делами государства. Редким исключением являются референдумы и другие виды голосований, что предопределяет известные существенные недостатки демократии: так называемую тиранию большинства, а нередко и значимого меньшинства. В этом заключается одна из причин нечестных выборов, некомпетентности выборных должностных лиц, келейности принятия публично-властных решений, неэффективного управления и, как результат, равнодушия граждан относительно своих прав.

Современные правительства стремятся минимизировать многие из названных издержек демократии путем усовершенствования избирательных систем, обеспечения большей открытости деятельности органов власти и управления, в том числе судов, других институциональных усовершенствований. Такие меры заслуживают внимания и поддержки. Но подобного рода стратегии развития демократии, как отмечает Т. Кэмпбелл, не всегда могут рассматриваться в качестве демократической модернизации политической системы общества [Кэмпбелл 2013: 19]. Он обращает внимание на повсеместно распространенную и популярную сегодня, в том числе и в России, стратегию, выражающуюся в конституционализации норм о правах человека в целях судебного контроля: «...Это включение в конституции абстрактных норм о правах человека, чтобы уполномочить суд действовать в качестве гаранта соблюдения демократических процедур и их результатов.

¹ Элитизм Й. Шумпетера – ярчайшее проявление концепций непартисипаторной (элитарной) демократии. Более умеренный вариант этих концепций находят выражение, в частности, в теории консоциативной демократии А. Лейпхарта [Лейпхарт 1997]. В фундаментальном труде российского ученого А.М. Салмина современная демократия, по сути, также проанализирована в качестве непартисипаторной формы правления [Салмин 2009].

Вместе с тем включение в конституции прав человека с целью обеспечения основанного на правах человека судебного контроля (“слабого” или “сильного”) – это политика не только в значительной степени неэффективная, но и не вполне демократичная, а если признать существование права человека на демократию, то и внутренне противоречивая. В целом такие стратегии ни в теории, ни на практике не приносят пользы ни демократии, ни правам человека» [Кэмпбелл 2013: 19].

Действительно, в рамках обрисованной концепции демократии и фундированной на ней системы правления права человека воспринимаются гражданами как установленные властью или дарованные ею. Соблюдение же прав человека выглядит директивой со стороны органов власти. Исполнение этой директивы призваны контролировать суды. Граждане зачастую не интересуются правами и в большинстве своем не участвуют в правозащитной деятельности. Не исключены также эксцессы в плане демократии и прав человека: в случае роста социальной напряженности власть вынуждена лавировать между приверженностью к закрепленным в конституциях правам и свободам человека и желанием их ограничения. Так, рост миграционных потоков в страны Западной Европы и всплеск терроризма в этих странах с начала 2000-х гг. заставили задуматься о возможном ограничении прав человека. В большинстве западноевропейских стран на повестку дня встал вопрос: что важнее – права человека или безопасность? [Баум 2015]. За этим, в частности в Германии, последовало принятие законов о безопасности, на практике ограничивающих фундаментальные права человека: право на неприкосновенность частной жизни, на личную и семейную тайну, а также на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных, электронных и иных сообщений. То есть речь идет о нарушении наиболее важных естественных, личных прав человека. Желание государства контролировать все потоки информации и предотвращать потенциальные угрозы породило не менее серьезную проблему: под удар попали не только демократические права и свободы, но и собственно основы конституционного строя. Превентивное государство (*preventive state*), стремящееся предотвратить угрозы путем тотального контроля над частной жизнью, в перспективе может перерасти в государство-надзиратель (*supervisory state*), что противоречит современным представлениям о демократическом устройстве и правах человека [Баум 2015: 17-20]¹.

Но даже нормальное функционирование правовой системы в условиях проведения политики интересов затрудняет реализацию и защиту прав человека. Примером тому служит извечный конфликт интересов, с одной стороны, государства и крупных индустриальных корпораций, а с другой – местного населения, отстаивающего право на радиационную безопасность и благоприятную окружающую среду в целом. Аналогично можно оценить конфликт интересов фармацевтических

¹ Об этой опасности еще в 1990-е гг. предупреждали Ю. Хабермас и авторы анализируемых им научных работ [Habermas 1996: 344-353].

компаний, продвигающих на рынок биологически активные вещества, и общественности, выступающей за здоровый образ жизни, и т.п. Более того, правовым системам, относящимся к англо-американской правовой семье, имманентно стремление к изменению, корректировке прав человека. Множество судебных прецедентов применительно к одним и тем же правам человека делает невозможным единообразное толкование норма, закрепляющих данные права, а нередко ведет и к утрате непосредственной связи с ними. Это, в свою очередь, становится барьером для судебной защиты прав человека: «Порождение огромного массива прецедентного права, весьма отдаленно связанного с изначальными текстами, утверждающими права человека, демонстрирует тот факт, что права человека как ценностные суждения создают формально неадекватное право, не соответствующее своим целям в позитивистском суде, основанном на законе» [Кэмпбелл 2013: 25].

Указанные недостатки непартиципаторной демократии побудили к поиску иных моделей демократического устройства и к их теоретическому обоснованию. Одной из весомых альтернативных теорий в современном мире стала концепция делиберативной демократии, основанная на аристотелевской традиции понимания политики как свободного от принуждений и предрассудков взаимодействия равных граждан, которые, вступая в коммуникацию друг с другом, способны выработать решения относительно совместной жизни [Бусова 2002: 45]. Развитие аристотелевской традиции в наше время связано с именами Ханны Аренд, а затем Юргена Хабермаса, который полагал, что «только те нормы действия значимы, с которыми все лица, кого они, возможно, затрагивают, могли бы согласиться, выступая в качестве участников рационального дискурса» [цит. по: Бусова 2002: 48]. Иными словами, сущностным атрибутом делиберативной демократии является рациональный коммуникативный дискурс. С этой точки зрения делиберативная демократия может рассматриваться как разновидность партиципаторной демократии¹, предусматривающей в качестве ведущей формы участия в осуществлении публичной власти коммуникацию, а не голосование. В аксиологии прав человека делиберативная демократия задает следующую стратегию: любой гражданин либо в той или иной мере организованная группа граждан имеют право на участие в обсуждении вопросов, прямо или косвенно затрагивающих их законные права и интересы.

Развитие форм делиберативной демократии – публичных слушаний, консенсусных собраний, обсуждений, дебатов [Gastl J., Levine P. 2005] – существенно меняет аксиологию защиты прав человека. Основные ценностные доминанты делиберативной демократии в системе защиты прав человека сравнительно с ценностными доминантами непартиципаторной демократии можно представить в виде таблицы.

¹ О партиципаторной демократии и ее основных формах см.: [Zimmerman 1986].

Ценностные доминанты непартиципаторной и делиберативной демократии в аксиологии прав человека

Критерий выделения ценностных доминант	Ценностные доминанты непартиципаторной демократии	Ценностные доминанты делиберативной демократии
<i>Сущность политики, проводимой в сфере прав человека</i>	Политика интересов	Публичная политика, основанная на согласовании интересов широкого круга лиц
<i>Доминирующие интересы в сфере прав человека</i>	Групповые интересы	Общее благо
<i>Роль граждан в закреплении и реализации прав человека</i>	Граждане – участники голосования на выборах	Граждане – участники коммуникативного дискурса
<i>Интерес граждан к правозащитной тематике</i>	Ситуативный интерес граждан к правозащитной тематике	Ситуативный или постоянный интерес граждан к правозащитной тематике, влекущий вовлеченность в правозащитную деятельность
<i>Форма влияния граждан на принятие решений в сфере прав человека</i>	Косвенное влияние на принятие решений в сфере прав человека	Прямое влияние граждан на принятие решений в сфере прав человека
<i>Характер восприятия прав человека гражданами</i>	Права человека – директива властей	Артикуляция собственных интересов граждан в сфере прав человека
<i>Ведущие акторы принятия решений по вопросам прав человека</i>	Органы власти и должностные лица – генераторы и субъекты принятия решений в сфере прав человека	Органы власти, взаимодействующие с заинтересованными членами гражданского общества – генераторы и субъекты принятия решений в сфере прав человека
<i>Процедура принятия решений в сфере прав человека</i>	Голосования, совещания должностных лиц	Дискурс (коммуникативное действие)
<i>Характер принимаемых решений в сфере прав человека</i>	Решения большинства	Консенсуальные решения
<i>Возможности произвольного ограничения ранее закрепленных прав человека</i>	Широкие возможности ограничения прав человека	Имеющие предел возможности ограничения прав человека
<i>Основные субъекты контроля над соблюдением прав человека</i>	Суды, правоохранительные органы – субъекты контроля над соблюдением прав человека	Суды, правоохранительные органы, правозащитные организации, группы общественности – субъекты контроля над соблюдением прав человека

Как следует из представленного в таблице материала, смещение акцента на коммуникативный дискурс в аксиологии защиты прав человека способствует выработке новой стратегии защиты прав человека. Целью этой стратегии является не выражение интересов доминирующих в обществе групп, а согласование интересов граждан, их групп, гражданского общества и государства. Граждане как участники коммуникативного дискурса взаимодействуют с органами власти по важнейшим вопросам закрепления и защиты прав человека, артикулируя в этом взаимодействии свои интересы. В итоге меняется понимание самими гражданами целостной системы прав человека, которые воспринимаются ими не в качестве «дара» от государства, а как результат консенсуса всех заинтересованных лиц, но не демократического большинства, что в значительной мере затрудняет произвольное их ограничение со стороны государства.

В современном мире делиберативная демократия имеет различные формы проявления в аксиологии защиты прав человека.

Во-первых, законодатели в ряде стран мира отходят от идеализации ценности сугубо судебного контроля в сфере защиты прав человека, повышая значимость ценности гражданского контроля. В этом плане весьма показателен австралийский опыт. В стране был принят Акт о правах человека (парламентском контроле) 2011 г. (*Human Rights (Parliamentary Scrutiny) Act 2011*) [Human Rights... 2011]. Особенность данного документа, подчеркивает Т. Кэмпбелл, состоит в том, что он не упоминает о роли судов в защите прав человека, а «возлагает ответственность за продвижение и защиту прав человека непосредственно на плечи правительства, гражданского общества и отдельных граждан, обеспечивающих легитимный фундамент, на котором должен вырасти более эффективный и устойчивый прогресс, чем тот, которого можно было бы ожидать от делегирования этой ответственности судам, действующим за рамками своих привычных полномочий» [Кэмпбелл 2013: 33]. Важные шаги в том же направлении предприняты и в Российской Федерации. С введением в действие Федерального закона № 212-ФЗ от 21 июля 2014 года «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» на уровне законодательства созданы предпосылки для осуществления общественностью (на основе добровольного участия) контрольных мероприятий, в том числе общественных экспертиз, в области защиты прав человека и гражданина. Реализация норм Федерального закона предусматривает проведение общественных обсуждений, общественных (публичных) слушаний с участием всех заинтересованных лиц¹.

Иным, но подобным путем следуют законодатели ряда американских штатов, где присяжные больших жюри, как правило *высших судов штатов (superior courts)*, помимо традиционных своих обязанностей выполняют функции гражданского контроля – так называемые функции *сторожевых псов (watchdog functions)*. В этих штатах, особенно в Калифорнии, большие жюри, все чаще именуемые в последние годы гражданскими большими жюри (*Civil Grand Juries*), наделены чрезвычайно важными полномочиями по

¹ Подробно об этом см.: [Огнева 2015].

контролю и надзору за финансовой, хозяйственной и иной деятельностью должностных лиц и органов публичного управления, за методами и самой системой управления [California Penal code, 2015: § 888-933], что позволяет обеспечить защиту права граждан на хорошее администрирование. Кроме того, присяжные больших жюри осуществляют контроль над соблюдением прав граждан и администрированием в местах ограничения свободы. Все актуальные вопросы, отнесенные к компетенции гражданских больших жюри, подлежат обсуждению присяжными с последующим доведением выводов высшему суду, органам власти штата или публичным агентствам, в отношении которых гражданским большим жюри проводилось расследование, а также органам местного самоуправления [Руденко 2016].

Все эти шаги означают своего рода движение от конституционализации норм в целях судебного контроля к механизмам, основанным на взаимодействии государства и общества, усилении гражданского контроля над тем, что делает государство в области прав человека [Кэмпбелл 2013: 23-24].

Во-вторых, с конца прошлого столетия в общественно-политической жизни Австралии, Германии, США и других стран все большую значимость в сфере защиты прав человека приобретает ценность гражданского участия в формах самоорганизации граждан. Одна из таких форм – *гражданские жюри (Citizen's Juries)* – основана в конце XX столетия Джефферсон-центром (штат Миннесота, США). Данная форма предполагает обсуждение наиболее острых и актуальных публично значимых проблем гражданскими коллегами, создаваемыми каждый раз заново для разбирательства одного конкретного «дела» по сформулированным инициаторами «процесса» вопросам. (Как правило, инициаторами разбирательств выступают организации или органы государственной власти, государственные и другие органы.) Сформированные на основе случайной выборки из нескольких кластеров, выделенных с учетом возраста, уровня образования, социального положения и культурной идентичности местных жителей, гражданские жюри напоминают судебные коллегии присяжных¹. В фокусе внимания гражданских жюри в последнее время находятся различные жизненно важные вопросы публичной политики. Множество из них касается непосредственно защиты прав мигрантов, женщин, инвалидов, коренных народов, молодежи и других социальных групп. Обсуждаются и общие проблемы. В частности, гражданские жюри, формируемые организацией Amnesty International, всесторонне анализируют вопросы предупреждения и прекращения нарушений прав на физическую и психологическую неприкосновенность, на свободу совести и самовыражения, на свободу от дискриминации. Так, в Ирландии силами гражданских жюри организацией проводятся обсуждения проблем, связанных с принудительной психиатрической помощью [A Citizens' Jury... 2012: 23-24]. По итогам обсуждений гражданские жюри готовят доклады (*Citizen's jury reports*), адресованные органам власти, в том числе законодательной, причем в поле зрения гражданских жюри попадает все больше вопросов, традиционно относящихся к компетенции

¹ Подробнее о порядке формирования и деятельности *Citizen's Juries* см.: [Руденко 2007].

государственных органов. К примеру, приметой времени стало создание первого в Австралии гражданского жюри по вопросам радиационной безопасности (*Nuclear Citizen's Jury*) [Nuclear Citizen's Jury 2016]. Подготовленный этим гражданским жюри доклад нацелен на защиту экологических прав человека. Распространение упомянутой формы самоорганизации граждан во многих странах мира меняет представления о механизмах современной демократии и защиты прав человека, не позволяя сводить демократию только к борьбе за голоса избирателей. Именно на этом акцентируют внимание организаторы гражданских жюри [What is a citizens' jury? 2016].

В-третьих, парадигма рационального коммуникативного дискурса получила распространение в судебных системах множества государств мира. В аксиологии защиты прав человека все большую значимость приобретают ценности так называемого восстановительного правосудия (*restorative justice*), выходящего за рамки традиционных представлений о системе правосудия и судебной защите прав человека [Зер 2002]. В десятках стран на протяжении многих лет внедряются такие механизмы защиты прав человека, как примирительные процедуры (посредничество, урегулирование, арбитраж), в основе которых лежит диалог, обсуждение. Это открывает новые возможности для защиты гражданских прав. В частности, значительная часть дел в отношении несовершеннолетних рассматривается на посреднических собраниях (*mediation conferences*) или семейных собраниях (*family conferences*). Коренные жители Австралии, к примеру, принимают непосредственное участие в защите прав человека при разбирательстве не только гражданских, но и уголовных дел в судах коренных народов (*indigenous courts*) – в судах народов мурри, коори, нграмбра, судопроизводство, в которых, в отличие от магистратских судов, основано на дискуссиях «за круглым столом» [Marchett, Daly 2004]. В Папуа-Новой Гвинее получили широкое распространение деревенские суды (*village courts*), главной функцией которых является достижение мира и гармонии в сообществе путем принятия мировых соглашений [Jessep 1992]. На Филиппинах еще с середины 1960-х гг. функционирует так называемая система *барангайского правосудия* (от тагальского слова «Barangays» – община, обозначающего наименьшую административную единицу, подобную кварталу) [LGCP, 1991]. Рассмотрение дел, как правило – мелких уголовных правонарушений, в барангаях строится на принципах примирения и арбитража и проводится неформально в неформальной обстановке. Причем в обсуждение проблемы вовлекаются не только посредники (*pangkat*), но и все лица, чьи интересы затрагивает спор (родственники, близкие и др.) [Claridad 2006: 5-6]. Как следует из доклада Организации Объединенных Наций, практики подобного рода являются перспективной формой развития судебной системы и защиты прав человека [ООН... 2007]. Представляется, что в основе сделанного экспертами ООН вывода заложено глубокое обобщение опыта делиберативной демократии, а именно коммуникативных практик в сфере восстановительного правосудия¹.

¹ Детально о формах восстановительного правосудия и существующих в современном мире судебных и квазисудебных практиках, основанных на делиберативной демократии, см.: [Руденко 2011].

Исходя из сказанного можно сделать вывод о том, что утверждение принципов и методов делиберативной демократии является одним из определяющих трендов в эволюции аксиологии защиты прав человека в современном мире. Идет становление партисипаторной модели защиты прав человека, отличающейся относительно широкой вовлеченностью гражданского общества в дело продвижения и защиты этих прав. Разумеется, ценностные доминанты делиберативной демократии не подменяют собой описанные выше соответствующие ценностные доминанты непартисипаторной демократии в аксиологии прав человека, выработанные на основе представлений о демократии как элитарной системе правления, в которой важнейшее место занимает конституционализация прав человека и их судебная защита. Не подлежит сомнению роль судов в защите прав человека. Однако справедливо и то, что судебная защита прав человека – это не единственный ответ на возникающие вызовы. Представляется, что в настоящее время механизмы делиберативной демократии выполняют в разных странах мира важную роль в защите прав человека. Они становятся органической частью конституционно-правового механизма защиты прав человека в целом. Посредством этих механизмов осуществляется легитимация прав человека, обеспечивается их признание как со стороны органов власти, так и со стороны гражданского общества. Участие в обсуждении правозащитной проблематики обеспечивает информированность граждан о своих правах. Значение делиберативной демократии в аксиологии прав человека постоянно растет по мере эволюции наших представлений о демократии, свободах и правах человека. Задачей же государства является обеспечение правовых гарантий участия граждан в обсуждении тех проблем прав человека, которые непосредственно затрагивают их законные права и интересы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Баум Г. 2015. Спасти права граждан. Свобода или безопасность: полемические заметки. М. : Сектор. 156 с.
- Бусова Н.А. 2002. Делиберативная модель демократии и политика интересов // *Вопр. философии.* № 5. С. 44-54.
- Зер Х. 2002. Восстановительное правосудие : новый взгляд на преступление и наказание. М. : Центр «Судебно-правовая реформа». 324 с.
- Кэмпбелл Т. 2013. Права человека: демократический путь // *Правоведение.* № 6. С. 17-34.
- Лейпхарт А. 1997. Демократия в многосоставных обществах: Сравнительное исследование / пер. с англ. Б.И. Макаренко. М. : Аспект Пресс. 287 с.
- Огнева Е.А. 2015. Общественный контроль в системе защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. М. 232 с.
- Поппер К. 1992. Открытое общество и его враги. В 2 т. / пер. с англ. под ред. В.Н. Садовского. М. : Феникс : Междунар. фонд «Культур. инициатива».
- Руденко В.Н. 2007. Консультативные общественные советы в системе делиберативной демократии // *Сравнит. конституц. обозрение.* № 4. С. 116-124.

Руденко В.Н. 2011. Участие граждан в отправлении правосудия в современном мире. Екатеринбург : УрО РАН. 644 с.

Руденко В.Н. 2016. Большие гражданские жюри в Калифорнии и их роль в противодействии коррупции // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции. Екатеринбург. С. 287-307.

Салмин А.М. 2009. Современная демократия: очерки становления и развития. М. : ФОРУМ. 384 с.

Хайек Ф.А. фон. 1992. Дорога к рабству : пер. с англ. / предисл. Н.Я. Петракова. М. : Экономика. 176 с.

Шумпетер Й.А. 1995. Капитализм, Социализм и Демократия : пер. с англ. / предисл. и общ. ред. В.С. Автономова. М. : Экономика. 540 с.

A Citizens' Jury on Legal Capacity Law. Amnesty International Ireland, 2012. Dublin. 68 p.

Claridad G. 2006. Mediation Among Filipinos: Indigenizing and Methods of Mediation into the Philippine Context [Электронный ресурс] // Mediating Cultures in the Pacific and Asia: 3rd Asia Pacific Mediation Forum Conference. 2006, Suva, Fiji. URL: <https://usp.ac.fj/?3965> (дата обращения: 12.02.2017).

Gastl J., Levine P. (eds.) 2005. Deliberative Democracy Handbook. Strategies for Effective Civic Engagement in the 21st Century / ed. by John Gastl and Peter Levine. San Francisco. 308 p.

Habermas J. 1996. Between Facts and Norms. Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy. Cambridge : The MIT Press. 631 p.

Jessep O. 1992. Papua New Guinea: adultery legislation and jurisdiction of the village courts. Village Courts Act of 1989 // Journal of Family Law. № 30(2). P. 372-375.

Marchett E., Daly K. 2004. Indigenous Courts and Justice Practices in Australia // Trends & Issues in crime and criminal justice. May. № 277. P. 1-6.

Nuclear Citizen's Jury. What are the parts of the Nuclear Fuel Cycle Royal Commission's Report that everyone needs to discuss, 10th July 2016, Adelaide [Электронный ресурс]. URL: <http://assets.yoursay.sa.gov.au/production/2016/07/12/10/28/13/df622a91-cdbb-486d-bbed-20796a4109d5/Nuclear%20Citizens'%20Jury%20FINAL%20Book.pdf> (дата обращения: 12.02.2017).

What is a citizens' jury? ...an innovative means of involving everyday people in the process of government decision-making, 16 February 2016 [Электронный ресурс] // New Democracy. URL: <https://www.newdemocracy.com.au/library/what-is-a-citizens-jury> (дата обращения: 12.02.2017).

Zimmerman J.F. 1986. Participatory Democracy. New York : Praeger. 229 p.

ООН. Базовый документ, составляющий часть докладов государств-участников. Австралия. 7 августа 2007 [Электронный ресурс] URL: <http://www2.ohchr.org/english/bodies/cescr/docs/HRI.CORE.AUS.2007.ru.doc> (дата обращения: 12.02.2017).

Федеральный закон от 21 июля 2014 года № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» (ред. от 3 июля 2016 года) // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2014. № 30, ч. 1. Ст. 4213.

California Penal Code [Электронный ресурс] // 2015 California Code. URL: <http://law.justia.com/codes/california/2015/code-pen/> (дата обращения: 12.02.2017).

Human Rights (Parliamentary Scrutiny) Act 2011. № 186, 2011 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legislation.gov.au/Details/C2011A00186> (дата обращения: 12.02.2017).

LGCP – Local Government Code of the Philippines – (Local Government Code of 1991) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pcij.org/blog/wp-docs/LGC1991.pdf> (дата обращения: 12.02.2017).

V. Rudenko. Deliberativnaya demokratiya v aksiologii zashchity prav cheloveka [Deliberative democracy in axiology of human rights' protection], *Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 116-99. (in Russ.).

Viktor N. Rudenko, Doctor of Law, Full Professor, Corresponding Member of the RAS, Director, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia.
E-mail: rudenkovn@yandex.ru.

Article received 14.02.2017, accepted 29.05.2017, available online 01.11.2017

DELIBERATIVE DEMOCRACY IN AXIOLOGY OF HUMAN RIGHTS' PROTECTION

Abstract. The article shows that human rights protection axiology in the contemporary world is based primarily on the perception of non-participatory (elitist) democracy. That perception presumes that the state bodies make the most important public decisions without active citizens' participation. Therefore, the policy of interests, which is based on the decisions of majority and on the expression of intentions of the main political activity's actors, becomes the value dominance in human rights protection. The dominant strategy of the elective state bodies is the constitutionalization of human rights' norms aimed on their judicial protection. At the same time, citizens perceive human rights as established and bestowed by the state powers. The author argues that the disadvantage of such strategy is the permanent threat of human rights' restriction coming from the state. In his opinion, it is necessary to prevent that threat not through making the particular institutional improvements, but through appropriating values of deliberative democracy. The author provides comparative analysis of the elitist and deliberative democracy values. The article demonstrates that the shift towards an emphasis upon communicative discourse in human rights' axiology contributes to the development of the new strategy in human rights protection. Such strategy is based on the accommodation and articulation of the interests of public, which perceives human rights as a public good. Based on such assumption, the author describes different forms of manifestation of the deliberative democracy in human rights' axiology. He underlines the value of citizens' control and other forms of citizen participation for human rights protection. The author concludes about prospective viability of the participatory model of human rights protection in the contemporary world.

Keywords: human rights, human rights protection, axiology of human rights protection, non-participatory democracy, deliberative democracy, the dominant values of non-participatory democracy, the dominant values of deliberative democracy.

References

- A Citizens' Jury on Legal Capacity Law. Amnesty International Ireland.* Dublin, 2012. 68 p.
Baum G. *Spasti prava grazhdan. Svoboda ili bezopasnost': polemicheskie zametki* [To save the rights of citizens. Freedom or safety. Polemical notes], Moscow, Sektor, 2015, 156 p. (in Russ.).

Busova N.A. *Deliberativnaya model' demokratii i politika interesov* [Deliberative democracy and policy interests], *Voprosi filosofii*, 2002, no. 5, pp. 44-54. (in Russ.).

California Penal Code, *2015 California Code*, available at: <http://law.justia.com/codes/california/2015/code-pen/> (accessed 12 February 2017).

Campbell T. *Prava cheloveka: demokratcheskiy put'* [Human Rights: a democratic way], *Pravovedenie*, 2013, no. 6, pp. 17-34. (in Russ.).

Claridad G. Mediation Among Filipinos: Indigenizing and Methods of Mediation into the Philippine Context, *Mediating Cultures in the Pacific and Asia: 3rd Asia Pacific Mediation Forum Conference, 2006, Suva, Fiji*, available at: <https://usp.ac.fj/?3965> (accessed 12 February 2017).

Federal'nyy zakon ot 21 iyulya 2014 goda № 212-FZ «Ob osnovakh obshchestvennogo kontrolya v Rossiyskoy Federatsii» (red. ot 3 iyulya 2016 goda) [The Federal Law from 21.07.2014 number 212-FZ (ed. from 03.07.2016) «On fundamentals of public control in the Russian Federation»], *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, 2014, no. 30, pt. 1, art. 4213.

Gastl J., Levine P. (eds.) *Deliberative Democracy Handbook. Strategies for Effective Civic Engagement in the 21st Century*, San Francisco, 2005, 308 p.

Habermas J. *Between Facts and Norms. Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy*, Cambridge, The MIT Press, 1996, 631 p.

Hayek F.A. fon. *Doroga k rabstvu* [The Road to Serfdom], Moscow, Ekonomika, 1992, 176 p. (in Russ.).

Human Rights (Parliamentary Scrutiny) Act 2011. № 186, 2011, available at: <https://www.legislation.gov.au/Details/C2011A00186> (accessed 12 February 2017).

Jessep O. Papua New Guinea: adultery legislation and jurisdiction of the village courts. Village Courts Act of 1989, *J. of Family Law*, 1992, no. 30(2), pp. 372-375.

LGCP – Local Government Code of the Philippines – (Local Government Code of 1991), available at: <http://www.pcij.org/blog/wp-docs/LGC1991.pdf> (accessed 12 February 2017).

Lijphart A. *Demokratiya v mnogosostavnykh obshchestvakh: Sravnitel'noe issledovanie* [Democracy in plural societies: A comparative exploration], Moscow, Aspekt Press, 1997, 287 p. (in Russ.).

Marchett E., Daly K. Indigenous Courts and Justice Practices in Australia, *Trends & Issues in crime and criminal justice*, 2004, may, no. 277, pp. 1-6.

Nuclear Citizen's Jury. What are the parts of the Nuclear Fuel Cycle Royal Commission's Report that everyone needs to discuss, 10th July 2016, Adelaide, available at: <http://assets.yoursay.sa.gov.au/production/2016/07/12/10/28/13/df622a91-cdbb-486d-bbed-20796a4109d5/Nuclear%20Citizens'%20Jury%20FINAL%20Book.pdf> (accessed 12 February 2017).

Ogneva E.A. *Obshchestvennyy kontrol' v sisteme zashchity prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Rossiyskoy Federatsii: konstitutsionno-pravovoe issledovanie : dis. ... kand. yurid. nauk* [Public control in the protection of man and citizen rights and freedoms in the Russian Federation: constitutional-legal research: dissertation], Moscow, 2015, 232 p. (in Russ.).

OON. Bazovyy dokument, sostavlyayushchiy chast' dokladov gosudarstv-uchastnikov. Avstraliya. 7 avgusta 2007 [United Nations. Core Document forming part of the reports of states parties. Australia (7 August 2007) HRI/CORE/AUS/2007], available at: <http://www2.ohchr.org/english/bodies/cescr/docs/HRI.CORE.AUS.2007.ru.doc> (accessed 12 February 2017). (in Russ.).

Popper K. *Otkrytoe obshchestvo i ego vragi. V 2 t.* [The Open Society and Its Enemies, in 2 vols.], Moscow, Feniks, Mezhdunarodnyy fond «Kul'turnaya initsiativa», 1992.

Rudenko V.N. *Bol'shie grazhdanskie zhyuri v Kalifornii i ikh rol' v protivodeystvii korrupsii* [Civil Grand Juries in California and their role in combating corruption], Rudenko V.N. (resp. ed.) *Aktual'nye problemy nauchnogo obespecheniya gosudarstvennoy politiki Rossiyskoy Federatsii v oblasti protivodeystviya korrupsii*, Ekaterinburg, 2016, pp. 287-307. (in Russ.).

Rudenko V.N. *Konsul'tativnye obshchestvennye sovery v sisteme deliberativnoy demokratii* [Community councils in the system of deliberative democracy], *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, 2007, no. 4, pp. 116-124. (in Russ.).

Rudenko V.N. *Uchastie grazhdan v otpravlenii pravosudiya v sovremennom mire* [Citizen participation in judiciary in contemporary world], Ekaterinburg, UrO RAN, 2011, 644 p. (in Russ.).

Salmin A.M. *Sovremennaya demokratiya: ocherki stanovleniya i razvitiya* [Modern democracy: Essays on its formation and development], Moscow, FORUM, 2009, 384 p. (in Russ.).

Schumpeter J.A. *Kapitalizm, Sotsializm i Demokratiya* [Capitalism, Socialism and Democracy], Moscow, Ekonomika, 1995, 540 p. (in Russ.).

What is a citizens' jury? ...an innovative means of involving everyday people in the process of government decision-making, 16 February 2016, *New Democracy*, available at: <https://www.newdemocracy.com.au/library/what-is-a-citizens-jury> (accessed 12 February 2017).

Zehr H. *Vosstanovitel'noe pravosudie : novyy vzglyad na prestuplenie i nakazanie* [Restorative Justice: a New Look at Crime and Punishment], Moscow, Tsentr «Sudebno-pravovaya reforma», 2002, 324 p. (in Russ.).

Zimmerman J.F. *Participatory Democracy*, New York, Praeger, 1986, 229 p.